

JOSEF ČEŠKA

Brno

ОБ ИСТРЕБЛЕНИИ ЛИМИГАНТОВ

В 358-ом году н. э. произошел великий поход против племен, населявших тогда области среднего Дуная и нападавших на паннонские провинции и на Верхнюю Мезию. Это были, согласно свидетельству Аммиана Марцеллина, сарматы и квады, которые разбегались по весьма обширным пространствам, причем или кого-нибудь преследовали, или же сами от кого-нибудь спасались бегством.¹ Император Констанций II-ой в вышеупомянутом году вскоре после весеннего равноденствия выступил против них в поход из Сирмия (нынешн. Митровица). С могучим войском он перешел Дунай по понтонному мосту и прежде всего начал опустошать сарматскую территорию, лежащую против Второй Паннонии и Валерии. Местное население не в состоянии было дать успешный отпор римлянам и также квады вскоре предпочли сдаться, чем подвергать риску разорения собственную территорию,² после чего начальники многих племен явились к Констанцию, который по словам Аммиана в подобных случаях был весьма снисходителен,³ покорно просить о мире. Немедленно после этих акций, которые считаются демонстрацией римских сил в области среднего Дуная,⁴ римская армия повернула свои силы против сарматских лимигантов и нанесла им страшное поражение в том же и в следующем годах.⁵

Хотя в наглядных изложениях о сарматах уделяется лимигантам мало внимания,⁶ все же некоторые исследователи заинтересовались отдельными вопросами. Так как дошедшие до нас древние источники сообщают, что лимиганты были рабами иных сарматов, и что восстали успешно против них в 334-ом году с оружием в руках,⁷ то Любор Нидерле (Lubor Niederle) считал их славянами, полагая, что иранские сарматы подчинили себе

в Средне-Дунайской низменности население иное по происхождению, население занимающееся земледелием и что это население, по мнению Нидерле, могло быть только славянской народности.⁸ Против этой концепции с полным правом недавно выступил Яромир Кинцл (Jaromír Kincl) с тезисом, что лимиганты не могли быть «венгерскими» славянами уже потому, что в 359-ом году лимиганты были почти совершенно истреблены, чего, конечно, нельзя бы было сказать о славянских племенах, которых античные авторы включали в состав сарматов, проживавших в IV-ом веке нашей эры на левом берегу среднего Дуная.⁹ Кинцла справедливо больше заинтересовал иной вопрос, — каковы были в действительности отношения лимигантов к их «господам» до 334-го года, причем Кинцл приходит к вескому заключению, что лимиганты не были настоящими рабами, но что они принадлежали к племенам, которые находились в подчинении у других племен.¹⁰ Но уже прежде чем некоторые исследователи приступили к решению лимигантской проблемы с марксистской точки зрения, некоторых буржуазных ученых заинтересовал вопрос, где находились в половине IV-го века поселения лимигантов. Аммиан помещает их между Дунаем и самой южной частью Тиссы,¹¹ т. е. в Бачку. Но против этого существуют в современной науке возражения, а именно, что, после признания правильности этих данных, возникла бы трудно разрешимая проблема, почему Констанций во время своего похода из Сирмия на север не уничтожил прежде всего лимигантов, ибо, если он перешел, как думает Карл Пач (Carl Patsch), Дунай недалеко от нынешнего города Нови-Сад,¹² то должен был прежде всего продвигаться через Бачку. Пач кроме того опирается на Аммиана, который указывает, что первые бои римских войск с сарматами, — но отнюдь не с лимигантами! — в 358-ом году происходили в той части Сарматии, которая находилась против Второй Паннонии,¹³ т. е. именно на территории нынешней Бачки, вследствие чего Пач помещает лимигантов в нынешний Банат.¹⁴ Но Аммиан одновременно пишет, что варвары, с которыми в том году войска Констанция прежде всего столкнулись, искали убежище в глубине горных долин,¹⁵ что противоречит не только его описанию территории, находящейся между Дунаем и нижней Тиссой,¹⁶ но и действительной равнине этих мест. Поэтому ничего другого не остается, как видеть в этих данных Аммиана ошибку.¹⁷ Но вряд ли уже можно сомневаться в том изложении Аммиана, в котором он сообщает, что лимиганты более всего полагались на охрану, которую давала болотистая местность.¹⁸ Вероятно поэтому прав Николай Вулич (Nikola Vulić), помещающий лимигантов и в южную часть Бачки, и в Банат.¹⁹ Хотя его обоснование, что территория Бачки не вместила бы лимигантов,²⁰ не доказано источниками, но следует отдать преимущество его выводам на том основании, что так лучше всего можно понять описание

Аммиана боев в 358-ом году между римлянами и лимигантами. Впрочем, если мы задумаемся также над тем, как после изгнания лимигантов в том году их край был опять заселен, мы, повидимому, должны будем снова согласиться с Вуличем. В заключительной фазе этих боев римская армия оперировала именно в крае смежном с Верхней Мезией, т. е. в Банате, в то время как с севера — по всей вероятности вдоль Дуная — лимигантов теснили в качестве римских союзников «свободные» сарматы и с востока таифалы. Последние стали обладателями наиболее близкой их стране территории и «свободные» сарматы захватили области, расположенные напротив их края. Одним словом, дело обстояло так, что как будто таифалы приобрели Банат а «свободные» сарматы — Бачку.²¹ Но нельзя обойти молчанием даже тот вопрос, который оставался в стороне в существующих до сих пор исследованиях, а именно, где находились до 334-го г. поселения «свободных» сарматов или аргарагантов? Хотя на этот вопрос нельзя с уверенностью ответить, но нам кажется, что сарматы тогда были изгнаны лимигантами скорее всего именно из Бачки.

Но сколько было лимигантов? По сведениям одного анонимного источника Константин 1-ый после 334-го г. поселил на римской территории 300 тысяч сарматов,²² которые потом назывались *Argaragantes*.²³ Так как другая часть «свободных» сарматов, после того как были изгнаны лимигантами, нашла себе прибежище у других «варварских» племен, а именно у виктогалов,²⁴ всех «свободных» сарматов должно было быть — если численные данные анонимного источника не были слишком преувеличены — по крайней мере пол миллиона. При установлении того, сколько было лимигантов, исходят из следующего предложения Аммиана: *viscerunt dominos ferocia pares et numero praeminentes*.²⁵ Но эти слова не однозначны, ибо причастия *pares* и *praeminentes* здесь можно понимать и как именительный, и как винительный падежи, из чего следует, что оба определения могут относиться либо к подлежащему, либо к дополнению. Хотя обычно переводчики²⁶ и исследователи, пишущие о лимигантах,²⁷ относят вышеупомянутые слова к подлежащему и проходят к заключению, что лимиганты были многочисленнее, но в виду того, что Аммиан вслед за этим отмечает, что у «господ» страх одержал верх над рассудком,²⁸ то в равной мере можно отнести эти определения к дополнению и можно понимать вышеприведенное латинское предложение следующим образом: «лимингаты нанесли поражение господам, которые были так же дики и превосходили численностью». Впрочем вряд ли бы мы могли себе представить, что в 358-ом и в 359-ом гг. римское войско смогло бы так легко истребить лимигантов, если бы их было более пол миллиона.

Однако вернемся к вопросу, почему император Констанций в 358-ом г. повернул свои войска против лимигантов только после преодоления

остальных римских врагов на среднем Дунае. Хотя Аммиан и пишет, что они тоже считали время перед 358-ым г. удобным для пролома римской пограничной полосы, ибо были склонны в равной мере, как их «господа и враги» к «преступности»,²⁹ но тот же самый автор незадолго до этого сообщает, что Констанций, после упорядочения обстоятельств среди придунайских варварских племен, перенес свою заботу на сарматов, потому что они будто бы скорее были достойны сожаления за постигшую их от их же бывших «рабов» участь, чем недовольства за то, что они вместе с виктогалами вели борьбу с римлянами.³⁰ Следовательно Констанций мотивировал в 358-ом г. свой поход против лимигантов как необходимостью оградить от опасности римскую границу, так и надобностью оказать помощь сарматским «господам» против мятежников. Из связи этих точек зрения вытекало потом решение освободить «свободных» сарматов от их подчинения виктогалам, к охране которых они после 334-го г. отчасти прибегли,³¹ и наказать лимигантом переселением их в более отдаленные области, чтобы лишить их возможности опустошать римскую территорию.³²

Но разве можно верить словам Аммиана, что Констанций имел намерение только мягко³³ наказать лимигантов за их «преступления» и что только их упорное сопротивление заставило его потом принять крутые меры? Хотя мы не можем контролировать никаким другим источником повествование Аммиана, но уже его априорное утверждение, доказывающее, что самое сознание «преступлений, совершаемых слишком долго»,³⁴ внушало лимигантам страх перед опасностью и что поэтому они, предвидя опасность со стороны римлян, сразу подготавливали коварства, оружие и просьбы,³⁵ в нас должно возбудить подозрение. Лимиганты — по всей вероятности — при своих первых сношениях с римлянами совершенно бесхитростно обещали им свою подчиненность, ежегодную дань и своих сильных юношей для римской армии, хотя сами не имели намерения оставить свои поселения, считая их вполне надежными.³⁶ По призыву императора они явились *ad citeriorem fluminis ripam*,³⁷ что едва ли возможно, не принимая во внимание контекст, интерпретировать иначе, чем Пач, т. е. что им было предложено явиться к императору на правый берег Дуная.³⁸ Но это противоречит всему дальнейшему изложению. Лимиганты послали бы тогда на правый берег Дуная для ведения переговоров несомненно небольшое количество своих людей, тогда как они предстали перед императором в большом количестве.³⁹ Поэтому нам кажется, что Аммиан употребил здесь термин *citerior* отнюдь не с точки зрения всей Римской империи, но с точки зрения лимигантов или же римской армии, о которой можно предполагать, что она находилась в то время на левом берегу Дуная, собираясь напасть на собственную территорию лимигантов. Об этом свидетельствует дальнейшее повествование Аммиана, что тотчас же

после истребления лимигантских банд, собравшихся по приказу императора вблизи от дунайского берега, приводили из низких лачуг родственников павших лимигантов, которых брали в римский плен,⁴⁰ что римские воины принялись немедленно разорять лимигантские хижины и убивать всех спрятавшихся в них,⁴¹ и что некоторые лимиганты, спасаясь бегством, отважились бросаться в водовороты «соседней реки».⁴² Сам Пач признает, что дело обстояло так, что столкновение римских войск с лимигантами произошло будто бы не на римской территории, но на лимигантской земле; поэтому ничего другого не оставалось Пачу, если он хотел остаться при своем мнении, как утверждать, что в дальнейшем изложении Аммиана проявляется необдуманная опрометчивость.⁴³ Но здесь уже, по нашему мнению, Пач заходит слишком далеко.

Но вернемся теперь к тому, как в 358-ом г. произошло вооруженное столкновение римских войск с лимигантами. По мнению Аммиана лимиганты явились на призыв императора не для того, чтобы выполнить его приказы, но только для того, чтобы не казалось, что они боятся присутствия римской армии.⁴⁴ Но при встрече с римским войском лимигантские бойцы отбросили свои щиты, вероятно не думая о том, что им приписывает Аммиан, а именно, что снова поднимая щиты, они незаметно продвинулись бы вперед.⁴⁵ Скорее можно думать, что лимиганты верили в какое-то соглашение с римлянами и были внезапно поражены диктатом императора оставить свои поселения. Неудивительно, что такой приказ поразил их и возмутил и что в своем негодовании они обрушились на императора «взглядом и грубыми словами».⁴⁶ А между тем уже при первых льстивых словах императора лимигантов окружали римские отряды,⁴⁷ которые потом, пользуясь вспыхнувшим возмущением при виде неприемлимых условий, внезапно напали на них и в течение получаса большинство из них перебили.⁴⁸ Мертвых лимигантов, которые будто бы перед своей смертью шептали, что не заслужили постигшей их участи, было, по словам Аммиана, столько, как после крупного сражения.⁴⁹ После этой резни римские воины, как уже было выше упомянуто, насильно брали в римский плен толпы родственников павших лимигантов.⁵⁰ Но этого было мало. Римские воины вторглись потом вглубь лимигантской страны, убивали и жгли все, на что натолкнулись и даже переправились на захваченных лимигантских судах на другой берег реки, к которой, наконец, добрались. Даже в той болотистой местности лимиганты понесли много потерь, после чего укрылись в горах, но остались там лишь недолго, так как большая их часть еще в том же году ушла из гор, сдалась римлянам и согласилась на свое принудительное переселение в иные области.⁵¹ Потом император решил «свободным» сарматам снова поселиться в их «исконных» поселениях.⁵²

Аммиан в своих описаниях этих событий не приводит почти никаких географических названий, но вероятно многие лимиганты, по его мнению, стремясь спасти только свою жизнь, переплыли реку Тиссу, т. е. бежали из Бачки в Банат, но там их тоже преследовали римские воины на захваченных лимигантских лодках, так что местное население считало их своими соплеменниками (*gentiles*).⁵³ Впрочем горы, в которых потом скрылись лимиганты, едва ли можно отождествлять с чем-нибудь иным, чем с Банатским гористым краем. Лимиганты должны были вскоре тоже покинуть эти горы вероятно под напором таифалов с востока.

Куда были изгнаны лимиганты в 358-ом году после своей капитуляции, нам неизвестно, но почти достоверно, что это не были места, в которых бы они могли себе найти достаточно пропитания. Можно предполагать, что это или был негостеприимный край, или же там уже было иное население. Как бы то ни было, лимиганты вскоре собирались пожаловаться императору на страдания, которые им пришлось претерпеть.⁵⁴ И эти страдания, о которых нам, в общем, ничего неизвестно, были несомненно причиной того, что уже зимой следующего года лимиганты снова появились вблизи Дуная, но на этот раз, конечно, гораздо севернее, а именно у Аквинка (нынешний Будапешт).⁵⁵ Еще перед самым концом зимы император Констанций выступил против них в поход в провинцию Валерию, чтобы помешать возможному вторжению их на римскую территорию⁵⁶ и выслал к ним на другой берег реки Дуная двух трибунов с двумя толмачами, чтобы выяснить, почему они покинули назначенные им места поселений и почему снова появляются у римских границ.⁵⁷ Тогда лимиганты будто бы приводили какие-то ничтожные — конечно с римской точки зрения — мотивы и при этом обещали охотно следаться на любой римской территории *tributarii*, если им будет дана возможность жить в мире.⁵⁸

Император, узнав об этом, разрешил лимигантам, тогда без сомнения вообще впервые, перейти через Дунай на римскую территорию и уже будто бы радовался, что ему удалось так легко привлечь в римскую армию новых бойцов.⁵⁹ Но между тем как на глазах лимигантов сооружалась для императора высокая трибуна, за их спиной снова группировались воинские отряды, часть которых была сосредоточена на дунайских судах. Эти отряды должны были внезапно выступить, «если бы варвары помышляли о бесчинстве».⁶⁰ Хотя это будто бы не осталось для лимигантов тайным, но они делали вид, что не знают, с какой целью все это происходит, и проявляли покорность, хотя в глубине души обдумывали совсем иное.⁶¹ Но когда император поднялся со своей дружиной на трибуну и окинул взором собравшуюся толпу, кто-то из лимигантов с силою бросил в него башмаком и громким военным криком отдал своим товарищам приказ идти в атаку, после чего император Констанций спас свою

жизнь только с трудом. После этого римские воины снова вступили в бой и будто бы перебили почти всех лимигантов, причем сами понесли весьма малые потери.⁶²

Если мы рассмотрим более объективно повествование Аммиана, чем это сделал сам автор, мы должны будем констатировать факт, что лимиганты находились в весьма стеснительных обстоятельствах, раз решили стать римскими *tributarii* и раз сохраняли спокойствие духа даже при виде того, как римское войско их снова обхватывало. Но остается невыясненным, что вдруг вызвало оборот в их поведении, ибо объяснение Аммиана, что это было делом рук коварного врага,⁶³ перешедшего Дунай с замыслом убить римского императора, даже в том случае, если бы он был всецело окружен римским войском, при критической оценке общего положения не может быть убедительным.

Объяснение того, что подало лимигантам повод к внезапному нападению на императора, по нашему мнению, могут дать только слова Аммиана, что император спешно обратился в бегство, увидев прямо перед собой обнаженные мечи и копья при обстоятельствах, изложенных на латинском языке: *plena omnia discurrentis turbae cum milibus*,⁶⁴ причем в последнем слове находится несомненная ошибка переписчика. Поэтому в одной из более поздних рукописей произведения Аммиана⁶⁵ и в двух старых изданиях⁶⁶ слово *milibus* исправлено на *militibus*, между тем, как другое старое издание⁶⁷ предпочитает исправить это слово на *missilibus*. Этот вариант одобрил Валезий (*Valesius*)⁶⁸ и включил его в текст Аммиана Кларк (*Clark*).⁶⁹ Но если бы у лимигантов были *missilia*, т. е. метательное оружие, зачем бы один из них бросил в Констанция башмаком? Вероятно поэтому Вагнер (*Wagner*) в своем комментарии⁷⁰ предпочел вариант *cum militibus*. Из этого видно, что император тогда увидел, «что всюду полно разбегающейся толпы и воинов».

Хотя приведенная из Аммиана цитата не совсем убедительна и хотя ее тоже исправляли иначе,⁷¹ но все же она весьма правдоподобно намекает на то, что некоторые римские воины вмешались в ряды лимигантов уже прежде, чем император поднялся со своим штабом на трибуну и что они какими-нибудь насилиями спровоцировали лимигантов на отчаянный бой.

Но целью этой статьи является не только интерпретация некоторых мест в тексте Аммиана, но также желание прежде всего показать, как систематично Констанций II-ой поступал с лимигантами. И одновременно мы тут сталкиваемся с вопросом, почему этот император был к лимигантам, которые обещали ему повиноваться, так строг, что довел их до отчаянной обороны и, наконец, до полного истребления, в то время как к остальным «варварам» на Рейне и на Дунае он относился весьма снисходительно.⁷² Хотя Аммиан не любил Констанция, но, будучи рьяным поборником рим-

ской славы и мощи, он сваливал всю вину на лимигантов. Под влиянием его взглядов остаются, насколько нам известно, также все новейшие исследователи.⁷³ Но мы можем априорное и гораздо большее недоверие Констанция к лимигантам чем к иным римским соседям в Европе объяснить иначе. Хотя это были для него не самые опасные заграничные враги, — вот почему в 358-ом г. он их сначала миновал —, но по его мнению это были явно опасные мятежники, хотя их восстание против так называемых свободных сарматов пришлось римлянам в 334 г. в общем кстати; оно тогда означало для них приток желанной рабочей силы. Но так как в IV-ом веке все зажиточные люди в Римской империи жили под вечным страхом революционного движения трудящихся масс,⁷⁴ повидимому даже император Констанций II-ой не хотел оставить пройти безнаказанно никакое революционное движение, хотя бы оно было севернее Дуная, ибо оно могло найти отклик в Римской империи. В значительной степени отдавал себе в этом отчет также Аммиан Марцеллин, когда в своем повествовании о разгроме лимигантов в 358-ом г. отмечает, что «к шаткой пальме первенства тех, кто с оружием в руках захватили свободу, было тоже открытое покаяние.»⁷⁵

Аммиан описывает римские акции против лимигантов так, как будто бы они были мотивированы справедливым намерением римлян помочь несчастным «свободным» сарматам, которых изгнали из их страны их «рабы» и которым плохо жилось «под защитой» виктогалов.⁷⁶ Поэтому Кинцл отмечает, что можно бы было ожидать повторного включения лимигантов в состав сарматских «рабов», поскольку, конечно, лимиганты до 334-го г. были действительными «рабами».⁷⁷ Но император Констанций не только совершенно не имел таких намерений, но стремился лишь ту часть «свободных» сарматов, которая оставалась вне римской территории, поселить в областях, из которых изгнал лимигантов. По мнению Аммиана император это сделал потому, что «свободные» сарматы, будучи непостоянными, все же были более «сдержанные», чем «ненадежные» лимиганты,⁷⁸ и согласно политическому плану Констанция их легко можно было обуздать при содействии нового короля, который обещал слушаться императора.⁷⁹ Констанций хотел, как можно более опираться на лояльность таких правителей, которые находились в соседстве Римской империи,⁸⁰ тогда как лимигантов, до сих пор управляемых только советом старейшин,⁸¹ император хотел после их поражения в 358-ом г., по его собственным словам, «пощадить» путем их выселения в значительно отдаленные области.⁸² Но эта императорская «благосклонность» (*lenitas*), уже в 358-ом г. явно преследовала цель — сокрушить лимигантов, сумевших в 334-ом году завоевать себе свободу, прежде всего переселением их в области, в которых бы они, несомненно, не могли себе найти новые, более постоянные посе-

ления, и потом только извлечь выгоду их из страданий. Поэтому император выступил против них в поход в 359-ом г. вопреки существующему тогда обычаю тоже гораздо раньше, хотя лимиганты будто бы только собирались, обрушившись на римскую территорию, «внести всюду полное замешательство».⁸³ Эти слова Аммиана являются косвенным доказательством того, что лимиганты этого еще не сделали. Хотя император будто бы радовался, их обещанию охотно стать *tributarii* на римской территории, но в то же время он дал приказ расставить римское войско так, чтобы во что бы то ни стало свобода лимигантов была ликвидирована. Но когда потом было констатировано, что после всех нанесенных обид лимиганты сохранили человеческое достоинство и что еще не вполне сломлены, они были беспощадно истреблены.

Действия против лимигантов совершенно согласовались с политикой экспансии Римской империи,⁸⁴ которую прокламировал сам Констанций II-ой даже официально так, что обязанностью императора является присоединение к империи каких-нибудь новых областей.⁸⁵ Хотя реализация этой программы уже в половине IV-го века н. э. была римлянам не по силам, но все слова о снисходительности по отношению к лимигантам и о стремлении «пощадить» их не имели ничего общего с истинной правдой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ammian., XVII 12, 1—3.

² Ammian., XVII, 12, 4—21.

³ Ammian., XVII, 12, 9: ad principis venere conspectum, erga haec et similia lenioris.

⁴ O. Pelikán. Slovensko a rímske impérium. Bratislava, 1960, str. 94.

⁵ Ammian., XVII 13; XIX 11.

⁶ См. например, K. Kretschmer. PWRE, I A, s. v. Sarmatae; J. Harmatta. Studies on the History of the Sarmatians. Budapest, 1950.

⁷ Euseb., vita Const., IV, 6, 1—2: Σαυρομάτας δ' αὐτὸς ὁ θεὸς ὑπὸ τοῖς Κωνσταντίνου ποσὶν ἤλαυνεν, ὡδὲ πη τοὺς ἄνδρας βαρβαρικῶ φρονήματι γαυρομένους χειρωσάμενος. Σκωθῶν γὰρ αὐτοῖς ἐπαραστάντων τοὺς οἰκέτας ὥπλιζον οἱ δεσπότες πρὸς ἄμυναν τῶν πολεμίων, ἐπεὶ δ' ἐκράτουν οἱ δοῦλοι, κατὰ τῶν δεσποτῶν ἤσαντο τὰς ἀσπίδας, πάντας τ' ἤλαυνον τῆς οἰκείας. Οἱ δὲ λιμένα σωτηρίας οὐκ ἄλλον ἢ μόνον Κωνσταντῖνον εἶσαντο, ὁ δ' οἷα σώζειν εἰδὼς, τούτους πάντας ὑπὸ τῇ Ῥωμαίων εἰσεδέχετο χώρα, ἐν οἰκείοις τε κατέλεγε στρατοῖς τοὺς ἐπιτηδείους, τοῖς δ' ἄλλοις τῶν πρὸς τὴν ζωὴν ἀναγκαίων εἴνεκα χώρας εἰς γεωργίαν διένεμεν, ὡς ἐπὶ καλῶ τὴν συμφορὰν αὐτοῖς ὁμολογεῖν γεγενῆσθαι, Ῥωμαϊκῆς ἐλευθερίας ἀντὶ βαρβάρων θηριωδίας ἀπολαύουσιν. Οὕτω δὴ θεὸς αὐτῶ παντοῖα φύλα βαρβάρων ἰπέταττεν. — Ammian., XVII, 12, 18—19: Potentes olim ac nobiles erant huius indigenae regni (scil. regni Sarmatarum), sed confuriatio clandestina servos armavit in facinus. Atque ut barbaris esse omne ius in viribus adsuevit, vicerunt dominos ferocia pares et numero praeminentes. Qui confundente metu consilia, ad Victo halos discretos longius confugerunt, obsequi defensoribus — ut in malis — optabile quam servire mancipiis arbitrati. — Exc. Vales., 32: Sed servi Sarmatarum omnes adversum dominos rebellarunt, quos pulsos Constantinus libenter accepit et amplius trecenta

milia hominum mixtae aetatis et sexus per Thraciam Scythiam Macedoniam Italiamque divisit. — Hieronym., Chron., a. 2350: Sarmatae Limigantes dominos suos, qui nunc Argaragantes vocantur, facta manu, in Romanum solum expulerunt. — Mommsen, Chron. min., I, p. 234: His cons. (scil. Optato et Paulino) Sarmatae servi universa gens dominos suos in Romaniam expulerunt.

⁸ L. Niederle. Rukověť slovanských starožitností. Praha, 1953, str. 54.

⁹ J. Kincl. Sarmatae Limigantes. — Universitas Carolina — Iuridica, I. Praha, 1955, str. 88.

¹⁰ Там же, стр. 85.

¹¹ Ammian., XVII, 13, 4: Has enim terras Parthiscus intruens obliquatis meatibus, Histio miscetur. Sed dum solus licentius fluit, spatia longa et lata sensim praeterlabens, et ea coartans prope exitum in angustias, accolas ab impetu Romanorum alveo Danubii defendit, a barbaricis vero excursibus suo tutos praestat obstaculo, ubi pleraque umidioris soli natura et incrementis fluminum renundantia stagnosa sunt et referta salicibus, ideoque invia, nisi perquam gnaris; et super his insularem anfractum, aditu Parthisci paene contiguum, amnis potior ambiens, terrae consortio separavit.

¹² C. Patsch. Banater Sarmaten. — Anzeiger der Akademie der Wissenschaften in Wien, Philosophisch-historische Klasse. 62. Jahrgang, 1925. Wien und Leipzig, 1926, S. 185.

¹³ Ammian., XVII, 12, 6: Gerebantur haec in ea parte Sarmatae, quae secundam prospectat Pannoniam.

¹⁴ C. Patsch, op. cit., S. 186—187.

¹⁵ Ammian., XVII, 12, 4—5: Qui (scil. barbari) itinere festinato praeventi catervasque bellatoris exercitus iugulis suis imminere cernentes, quem nondum per anni tempus colligi posse rebantur, nec spirare ausi nec stare, sed vitantes exitium insperatum, semet omnes effuderunt in fugam. Stratisque plurimis, quorum gressus vinxerat timor, siquos exemit celeritas morti, inter latebrosas convalles montium occultati, videbant patriam ferro pereuntem, quam vindicassent profecto, si vigore, quo discesserant, restitissent.

¹⁶ Ammian., XVII, 13, 4.

¹⁷ C. Patsch, op. cit., S. 185—186, Anm. 5.

¹⁸ Ammian., XVII, 13, 18: ad suffugia locorum palustrium se (Limigantes) contulerunt, eosque secutus infestus miles, caesis plurimis ibi victoriam reperit, ubi nec caute posse consistere nec audere aliquid credebatur.

¹⁹ N. Vulić. Konstantius' Sarmatenkrieg im J. 358 und 359. Byzantinische Zeitschrift, XXX, 1929/30, S. 374—375.

²⁰ Там же, стр. 375.

²¹ Ammian., XVII, 13, 20: cumque auxiliorum agmina locorum ratio separaret, tractus contiguos Moesiae sibi miles elegit, Taifali proxima suis sedibus obtinebant, Liberi terras occupaverant e regione sibi oppositas. — Cp. C. Patsch, op. cit., S. 189—190; Fluss. PWRE, IV A, s. v. Taifali, c. 2027.

²² Exc. Vales., 32

²³ Hieronym., Chron., a. 2350.

²⁴ Ammian., XVII, 12, 19.

²⁵ Ammian., XVII, 12, 18.

²⁶ Ammianus Marcellinus, Römische Geschichte, übersetzt von C. Büchle, Stuttgart, 1853, S. 224: „trugen sie über ihre Herren, die ihnen an wildem Muthe nichts nachgaben, aber in der Minderzahl waren, den Sieg davon“. — Ammianus Marcellinus with an English Translation by J. C. Rolfe, vol. I, London—Cambridge, Massachusetts, 1956, p. 379: „they vanquished their masters, being their equals in courage and far superior in number“.

²⁷ C. Patsch, op. cit., S. 184; N. Vulić, op. cit., S. 375; J. Kincl, op. cit., str. 83.

²⁸ *Ammian.*, XVII, 12, 19: qui (scil. domini) confudente metu consilia, ad Victothalos discretos longius confugerunt.

²⁹ *Ammian.*, XVII, 13, 1: ipsi (scil. Limigantes) quoque tempus aptissimum nacti, limitem perripere Romanum, ad hanc solam fraudem dominis suis hostibusque concordēs.

³⁰ *Ammian.*, XVII, 12, 17: Quibus ordinatis translata est in Sarmatas cura, miseratione dignos potius quam simulate.,

³¹ *Ammian.*, XVII, 12, 15: verum quaestione discussa, aliena potestate eripi Sarmatae iussi — ut semper Romanorum clientes — offerre obsides quietis vincula conservandae, gratanter amplexi sunt.

³² См. следующее примечание.

³³ *Ammian.*, XVII, 13, 2: deliberatum est tamen, id quoque lenius vindicari, quam criminum magnitudo poscebat, haecenus ultione porrecta, ut ad longinqua translati, amitterent copiam nostra vexandi, quos pericula formidare monebat scelerum conscientia diutius commissorum.

³⁴ См. предыдущее примечание.

³⁵ *Ammian.*, XVII, 13, 3: ideoque in se pugnae molem suspicati vertendam, dolos parabant et ferrum et preces.

³⁶ *Ammian.*, XVII, 13, 3: verum aspectu primo exercitus tamquam fulminis ictu percussi, ultimaque cogitantes, vitam precati, tributum annuum dilectumque validae iuventutis et servitium sponderunt, abnuere parati, si iuberentur aliorum migrare, ut gestibus indicabant et voltibus, locorum confisi praesidio, ubi lares post exactos dominos fixere securi.

³⁷ *Ammian.*, XVII, 13, 5.

³⁸ *C. Patsch*, op. cit., S. 187.

³⁹ *Ammian.*, XVII, 13, 5: hortante igitur principe, cum genuino fastu ad citeriorem venere fluminis ripam, ut exitus docuit, non iussa facturi, sed ne viderentur militis praesentiam formidasse, stabantque contumaciter. ideoque propinquasse monstrantes, ut iubenda repudiarent.

⁴⁰ *Ammian.*, XVII, 13, 12.

⁴¹ *Ammian.*, XVII, 13, 13—14.

⁴² *Ammian.*, XVII, 13, 15: fugientes tamen aliqui tela incendiorumque magnitudinem, amnis vicini se commisere gurgitibus, peritia nandi ripas ulteriores occupare posse sperantes.

⁴³ *C. Patsch*, op. cit., S. 188, Anm. 1: „Ammian, dessen Bericht schon über die Verhandlungen nichts weniger als eine historiographische Musterleistung ist, hat in seiner gedankenlosen Eilfertigkeit ganz besonders bei der Schilderung der Katastrophe wieder (oben S. 185 Anm. 5) des Guten zu viel getan.“

⁴⁴ *Ammian.*, XVII, 13, 5.

⁴⁵ *Ammian.*, XVII, 13, 7: sed fluctuantes ambiguitate mentium in diversa rapiebantur et furori mixta versutia temptabant cum precibus proelium vicinumque sibi in nostros parantes excursum, proiecere consulto longius scuta, ut ad ea recuperanda sensim progressi, sine ullo fraudis indicio, spatia furarentur.

⁴⁶ *Ammian.*, XVII, 13, 8: qui conferti acieque densiore contracta, adversus ipsum principem stantem — ut dictum est — altius, omnem impetum contulerunt, eum oculis incessentes et vocibus truculentis.

⁴⁷ *Ammian.*, XVII, 13, 6: Quae imperator accidere posse contemplans, in agmina plurima clam distributo exercitu, celeritate volucris morantes intra suorum acies clausit. Stansque in aggere celsiore cum paucis et stipatorum praesidio tectus, eos ne ferocirent, lenius admonebat.

⁴⁸ *Ammian.*, XVII, 13, 8—11.

⁴⁹ *Ammian.*, XVII, 13, 11: mussantesque audiebantur interdum, fortunae non meriti fuisse quod evenit. Ita in semihorae curriculo, discrimine proeliorum emenso, tot procubere subito barbari, ut pugnam fuisse sola victoria declararet.

⁵⁰ *Ammian.*, XVII, 13, 12.

⁵¹ *Ammian.*, XVII, 13, 13–23.

⁵² *Ammian.*, XVII, 13, 24.

⁵³ *Ammian.*, XVII, 13, 17. — Лимиганты делились по всей вероятности на амиценов и пиценов (см. *Ammian.*, XVII, 13, 19: *post absumptos paene diffusosque Amicenses, petiti sunt sine mora Picenses, ita ex regionibus appellati conterminis*); предполагается, что пицены пребывали в Банате напротив устья реки Пек, называемой на латинском языке *Pincus* (C. Patsch, *op. cit.*, S. 188–189; N. Vulić, *op. cit.*, S. 375).

⁵⁴ *Ammian.*, XIX, 11, 6.

⁵⁵ Слова Аммиана (XIX, 11, 8) *prope Acimincum* надо по правильному наблюдению Пача (ук. соч., стр. 192) изменить в *prope Aquincum*, так как город *Acimincum* (нынешний Сланкамен) не находился в провинции Валерия.

⁵⁶ *Ammian.*, XIX, 11, 1–2.

⁵⁷ *Ammian.*, XIX, 11, 4–5.

⁵⁸ *Ammian.*, XIX, 11, 6: *qui vana quaedam causantes et inrita, pavore adigente mentiri, principem exorabant in veniam, obsecrantes, ut similitate abolita, transmissio flumine ad eum venire permitterentur, docturi quae sustinerent incommoda paratique intra spatia orbis Romani — si id placuerit — terras suscipere longe discretas, ut diuturno otio involuti et Quietem colentes — tamquam salutarem deam — tributarium onera subirent et nomen.*

⁵⁹ *Ammian.*, XIX, 11, 7.

⁶⁰ *Ammian.*, XIX, 11, 8.

⁶¹ *Ammian.*, XIX, 11, 9: *quae Limigantes licet properari sentirent, nihil tamen praeter preces fingentes, stabant incurvi, longe alia quam quae gestu praeferebant et verbis, altis mentibus perpensantes.*

⁶² *Ammian.*, XIX, 11, 10–16.

⁶³ *Ammian.*, XIX, 11, 17: *Constantius Sirmium redit, ferens de hoste fallaci vindictam.*

⁶⁴ *Ammian.*, XIX, 11, 11.

⁶⁵ *Codex chart. a.1445, Vat. Lat. 2969.*

⁶⁶ *Editio Erasmi Basiliensis a. 1518. — Editio Gelenii Basiliensis a. 1533.*

⁶⁷ *Editio Accursii Augustana a. 1533.*

⁶⁸ *Ammiani Marcellini quae supersunt. Cum notis integris Frid. Lindenbrogi, Henr. et Hadr. Valesiorum et Iac. Gronovii, quibus Thom. Reinesii quasdam et suas adiecit Io. Augustin Wagner. Editionem absolvit Car. Gottlob Aug. Erfurdt. Lipsiae 1808. Vol. II, p. 347.*

⁶⁹ *Ammiani Marcellini Rerum gestarum libri qui supersunt. Recensuit rhythniceque distinxit Carolus U. Clark adiuvantibus Ludovico Traube et Guiljelmo Heraeo. Vol. I, Berolini 1910.*

⁷⁰ *Op. cit.*, vol. II, p. 347.

⁷¹ *Gronovius: tumultibus; Mommsen: tot milibus; Heraeus: humilium.*

⁷² *Ammian.*, XIV, 10, 11–15; XVII, 12, 9–11.

⁷³ См., например, J. Kincl, *op. cit.*, стр. 87: „Rychlým pochodem dosáhli (Limiganti) v krátkém čase oblastí provincie Valerie a nenadálým útokem přepadli římská vojska. Císař jenom o vlásek unikl hrozičimu nebezpečí, zorganizoval odpor a Limiganty rozdruil.“

⁷⁴ C. Jullian. *Histoire de la Gaule*. VII, Paris, 1926, p. 180–181.

⁷⁵ *Ammian.*, XVII, 13, 21: *variaeque palmae victoriarum accessit eorum quoque supplicatio, qui armis libertatem invaserant.*

⁷⁶ *Ammian.*, XVII, 12, 17: *quibus ordinatis translata est in Sarmatas cura, miseratione dignos potius quam similitate.*

⁷⁷ J. Kincl, *op. cit.*, стр. 82.

⁷⁸ *Ammian.*, XVII, 13, 24: *infidis ... exules populos, licet mobilitate suppres, acturos tamen paulo verecundius, tandem reductos in avitis sedibus conlocavit.*

⁷⁹ *Ammian.*, XVII, 13, 30: et *Zizaim* praefecimus *Liberis*, dicatum nobis futurum et fidum, plus aestimantes creare quam auferre barbaris regem.

⁸⁰ Император Константин II заключал союзы, например, с германскими вождями против собственных врагов внутри империи, а именно в 350 г. против Магненция (*Liban., Orat.*, VIII, 33; *Zosim.*, II, 53, 3; *Socrus., Hist. eccl.*, III, 1, 26) и в 361 г. против Юлиана (*Ammian.*, XXI, 3—4; *Iulian., Epist. ad Athen.*, 287 a).

⁸¹ Ср. *Ammian.*, XVII, 13, 21: vicit tamen ad ultimum coetu seniorum urgente, dedendi se consilium. — См. также *J. Kinkel, op. cit.*, str. 84—85.

⁸² *Ammian.*, XVII, 13, 30: Hisque secundo finitis eventu, lenitatis tempus aderat tempestivae. *Limigantes* ad loca migrare compulimus longe discreta, ne in perniciem nostrorum se commovere possent ulterius, et pepercimus plurimis.

⁸³ *Ammian.*, XIX, 11, 1: ne — ut sunt versabiles (scil. *Limigantes*) — aliquid molirentur inimicis, regiones confines limitibus occupasse vagarique licentius genuino more — ni pellerentur — omnia turbaturos.

⁸⁴ Ср. *Ammian.*, XIX, 11, 7: His post reditum tribunorum conpertis, imperator exultans, ut negotio quod rebatur inexplicabile, sine ullo pulvere consummando, cunctos admisit, aviditate plus habendi incensus.

⁸⁵ *Constantii imp. oratio de Themistio philosopho in senatu recitata. Themist., Orat.*, 18 c: ὧν ἀεὶ πειρώμαι πεφροντικῶς νῦν μὲν τινα ἀρχὴν προστιθέναι, διὰ τῶν ὅπλων τῆ Ῥωμαίων ἡγεμονία.

